

Ирина Дедюхова

Моя Мэрион

Мерилин идет по коридору. Нога свободная, носок наружу. Каблук встал, носочек встал, одна половинка ягодицы шевельнулась. Слегка. Так, легкий трепет. Голова поднята, губы тоже улыбаются слегка, дразняще. Глаза мечтательно устремлены в будущее. Грудь — это самое главное, она должна прорезать пространство на мгновение раньше материализации всей Мерилин. Вначале грудь, потом носок, бедро, торс, улыбка и рассеянный взгляд...

Сапоги надо сдавать в ремонт, звучат слишком гулко, слишком напористо. Звук должен быть ровный, ни к чему не обязывающий. И колготки бы новые купить не мешало. Господи, какое нынче число? Совсем забыла, надо зайти в школу. К младшей. Тоже Мерилин.

— Во! Привет! Ты-то мне и нужна! Ой, какая у тебя задница!

— Отвали, Барсуков! Да не суй ты мне эту шелупонь!

— Это срочно, понимаешь, к четвергу! Мы за ценой не постоим! Я тебе, дорогая, триста рубликов подарю! Богатейкой станешь! Как это тебе некогда! Что ты в натуре, как в комендатуре? Самое твое любимое — металлическая ферма большая-пребольшая, гнилая-прегнилая! Вся прогнувшаяся! Какие у тебя... Вечером зайдешь? Ну, и гадина же ты! Искренне!

Пихается еще гад. Ничего не выпало? Боже, сколько чертежей! Потеряла! Улыбку потеряла! А! Вот она! От бедра! Раз-два, дышим ровнее, раз-два, взгляд номер шесть... Задумчивость! Дайте мне легкую задумчивость и негу во взоре! Не знаю откуда! Чтоб была — и все!

— Здра-а-авструйте-е-е, Мэрилин Анатольевна! — улыбаются студентки, заглядывая в лицо.

Хоть бы орбитом зажевали табачище! Та-ак. Колготки надо срочно менять. Неудачные у нее колготки, раз они вдруг здороваться стали. Обычно молчат. Набычившись.

Мерилин заходит в лабораторию, садится возле девятитонного пресса. Нога на ногу, снисходительная улыбка. Встреча с персоналом. Гнида.

— Светлана! Где журнал испытаний?

— Я вам отдавала!

Врет, а ничего с ней не сделать. Кто пойдет на такую ставку? Но какая все-таки гнида! Неделя работы! Два сломанных ногтя!

— Светочка! Тут проезжала мимо магазина «Елисейские поля» вместе с Вадиком в его машине. Ну, тот самый Вадик... За которым ты совершенно неприлично бегала на третьем курсе. Где у нас пилочка для ногтей? Нет, у него сейчас не восьмерка, в восьмерку я бы не села. Да-а... Милый мальчик, не понимаю, что он себе вообразил... А! Я там такой лифчик видела чуднецкий! Без номера вовсе, как раз на тебя. Тряпочка и кружавчики. Вроде бы ничего особенного, а так мило... Тебе надо непременно посмотреть на него, Светочка! А когда в выходные пойдешь на базар, там возьмешь китайский, но из связки уже выберешь что-то подобное. Близкое к идеалу... Светик! Маленькая грудь не всегда располагает к отсутствию нижнего белья. Поверь мне, я плохого не посоветую.

Ушла. Ревет. Сморкается. Швыряет журнал. Смешная.

— Знаете, Мерилин Анатольевна, я, конечно, в сорок лет не буду выглядеть так, как вы! Мне это просто не суметь! Я к своим

тридцати годам такое пережила! Такое! А вы по жизни как сыр по маслу катаетесь! У вас даже морщин нет! Хмурится не о чем!

— Светочка! Ты, безусловно, не будешь выглядеть так, как я. Ты и в двадцать выглядела хуже, чем я в сорок. Еще до всех жизненных переживаний. Светлана! В то полотенце не сморкайся! Им Тураб вчера сапоги чистил.

Дверь осторожно отворяется, в нее просовывается молодой преподаватель соседней кафедры. Бывший студент. Боже мой! Он уже лысый! Срочно, срочно к зеркалу! Нога на ногу, улыбка номер три, веки полуопущены. Шея пошла назад, потянула за собою голову... Легкий испуг и улыбка. Как вы нас напугали, противный! А мы только что вас вспоминали. Если спросит Светку, убью.

— Мерилин... Мерилин Анатольевна...

Глубокий выдох.

— Да-а-а..?

Филируем звук. Глубина? Есть глубина!

— Заходите, Павел, не смущайтесь! Мы со Светочкой здесь одни скучаем!

— Я это... потом... А вы Тураба не видели?

— Нет, не видела.

Ответ отрывистый, предполагает паузу. Взгляд гаснет, как лампы театрального зала после большого гала-концерта. Печаль. Сейчас мальчик начнет колоться.

— Его Барсуков ищет, у них работа срочная по металлической ферме. Тураб нужен на обследование. Меня вот тоже припахали...

Заказчика, заказчика сдавай!

— Конечно, раз послал Барсуков...

— Там у него этот сидит, с усами такой, черный.

Опа, опа, опаньки! Н-да, стареем. Кто попало нас нынче снимает, Мерилин Анатольевна. За набойки и колготки продаемся. Какие гады все вокруг! Ладно. Меняем ноги, улыбка приобретает полунамеки, тайну, глаза смотрят прямо, неотрывно. Внезапно пересохшие губы обводят розовый язычок. Надо работать с молодежью. Именно она творит мифы и слагает легенды. Встаем, поправляем кофточку на груди. Ласковым, умелым движением. Взгляд Паши тускнеет, уходит во внутрь, не фокусируется. Готов.

— Конечно, вы идите, Пашенька, раз вам так сильно надо...

— А? — невнятно говорит Павел. Сейчас у него такая сонная, тупая физиономия! Иллюстрация к книге «Чудеса гипноза». Надо будет как-нибудь написать на досуге. Учить молодежь зеленую. Передавать опыт. Передовой. Нет, это все-таки должно идти изнутри. Как дыхание. Стоп кадр. Пристальный взгляд. Просыпайтесь!

— Павел! Вас ждет Барсуков! Про Тураба скажете, что он в первый корпус ушел, Светочка ему передаст. Всего доброго, молодые люди. Светлана! Если журнала завтра не окажется на месте...

— Мерилин Анатольевна, а разве вы завтра придете?

— Нет. Но для тебя это ровным счетом ничего не значит.

— Значит! Значит! Хоть день проведу без ваших издевок! Ага! Клипсы снимаете! Косметику стираете! В налоговую, что ли потянулись? Бухгалтер, я теперь бухгалтер! Глупый такой, такой простой!

— Да. Вначале туда, в налоговую... Потом — к младшей в школу. Вызвали.

— Так вам и надо. Кого вы воспитать сможете? Вот у меня дочь мне сказала: «Мама! Я каждую ночь прошу у Бога счастья для тебя!» А как мы вас ненавидели, когда у вас учились! А как вы нас ненавидели! Потому что мы вас моложе!

— Света! Не фантазируй! Мне вообще было на вас всех насрать! Слушай, а вода у нас есть? Румяна подотру. А сколько нашей дочке лет?

— Моей дочери четыре!

— Маленькая... Поздновато ты ее. У тебя еще все впереди, погоди, такое еще скажет... Нет, все-таки губы теперь обведу белым. И ногти. Трагическая маска. Измученная мать приготовилась выслушать все, что скажут о ее милой дочери...

— Кольца снимите. Измученный нуждой бухгалтер приготовился к сдаче квартального отчета! А мы еще так вас боялись! Войти в аудиторию боялись, где вы сидели. Трепетали! А Вы ни хрена ведь не знали! Вот сейчас признайтесь, что ничего не знали! Вот за что Вы мне четверку поставили, а?

— Ты помнишь, в каком году курсовой сдавала? А я — нет! И тебя не помню! Краситься надо более выразительно! Ax!(сопрано)

Света, прости меня, я напрасно поставила тебе четверку! Ты знала буквально все!(меццо-сопрано) Я почему-то тебя невзлюбила! Не знаю! Но догадываюсь!(контральто) Тогда дезодорантов хороших не было.

— А у самой-то духи тогда были французские! Это вам заочники подарили! Мне этот запах потом ночами снился! Я чувствовала, что пропиталась им вся! Изнутри!

— Сейчас — итальянские! Чувствуешь? Да! Дешевле, конечно, но и моднее. Знаешь, твоя последняя фраза говорит, что ты можешь быть даже местами интересной. Ну, про запах изнутри. Может быть, ты тоже сможешь...

— Что?

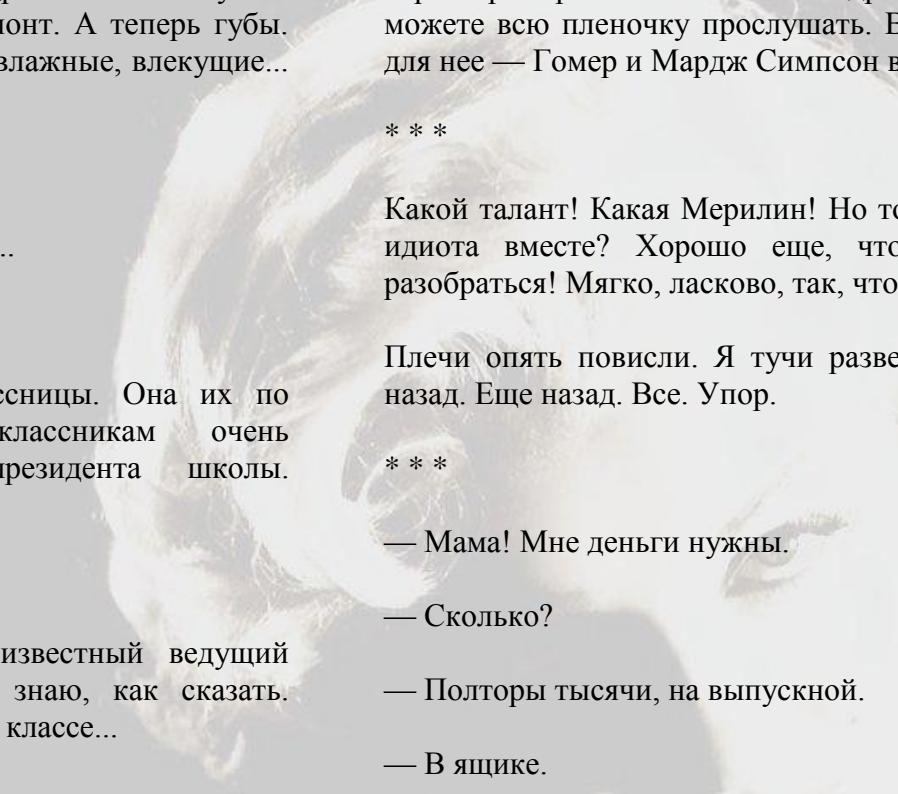
— Стать Мерилин, Светик! ЧАО! Передай всем, что я утонула в бассейне с лилиями, с перламутровыми плафонами, поэтому сегодня зачет принимать не буду. Поёт Элвис, а я плыву в голубой воде лицом вниз... Чтобы не замочить прическу.

— Голая?

— Безусловно! А ты не совсем безнадега, милая! Я в тебя верю! Бывай! Поскакала!

* * *

Сснулаась. Глаза жалко выглядывают из под висящей лохмотьями челки, будто боятся, что их немедленно выколют. Руки дрожат. Бретели лифчика спущены. Пуговку с манжеты пришлось вырвать с мясом. Это дает возможность временно от времени жалко улыбаться инспектору, дергая себя за рукав. Сука. Прошло. Прокатило. Какая ненависть! Обоюдная.

Свобода! Зеркало-зеркало-зеркало! Глаза в ней главное, глаза, а не задница, Барсуков! А тебя мы еще сделаем. Завтра же. Причем оденем на этот случай фиолетовый комбидрес и сапоги-чулки. Эти, похоже, надо немедленно ташить в ремонт. А теперь губы. Как она это делает, не знает никто. Но губы влажные, влекущие... Боже мой! Забыла! В школу забыла зайти!

* * *

— Вот. Почитайте. Прям, не знаю, что делать...

— Что это?

— Это стихи вашей доченьки. Первоклассницы. Она их по школьному радио зачитала. Старшеклассникам очень понравилось. Выбрали помощником президента школы. Президент-то у нас сам Дима Мальцев!

— А он... кто?

— Диму Мальцева не знаете? Это же известный ведущий эротических стрипт... пт... шоу. Даже не знаю, как сказать. Боремся, сражаемся, а ваша дочь тут в первом классе...

*Наши пруд сейчас скованный льдом.
А летом, какой он красивый!
Рыбешка заплещется в нем,
Повиснут плакучие ивы.
Мне вспомнится лето, и вдруг
Былое встает пред глазами...
Любовь — это сказка, мой друг!
Которую пишем мы сами!*

— Безобразие, правда? Вы бы ее на пруд одну гулять не пускали, а? Раз она теперь с этим Димой дружит... Про вас еще сказала, что берет пример с вас. Во всем. Подробнее — у учителя по физике можете всю пленочку прослушать. В завершение заявила, что вы для нее — Гомер и Мардж Симпсон в одном лице.

* * *

Какой талант! Какая Мерилин! Но тогда неужели она — два этих идиота вместе? Хорошо еще, что не покемон. Сегодня же разобраться! Мягко, ласково, так, чтобы надолго запомнилось.

Плечи опять повисли. Я туши разведу рука-а-ми-и! Все. Пошли назад. Еще назад. Все. Упор.

* * *

— Мама! Мне деньги нужны.

— Сколько?

— Полторы тысячи, на выпускной.

— В ящике.

— Там нет. Папе надо было срочно, он потом отдаст.

— Тогда в сумке.

— Ладно. Как ты думаешь, если человек не звонит, то можно ему позвонить? Может, он заболел...

— В школу ходит?

— Ходит...

* * *

— С кем еще ходит?

— С Белокрылихой, Людкой! Сегодня на вечер не пойду! Не могу я сейчас, мама!

Мерилин берет телефонную трубку.

— Васюков? Когда курсовой сдавать будете? И это правильно! Лучше сам повесься! Чтобы мне руки не морить. Дурак! Слушай, сходи сегодня с моей старшей на дискотеку, а? У нее там что-то с мальчуганом не вышло. Не суетись! Не надо никого бить! Но проявить какую-то галантность ты в состоянии? Целый семестр не занимался! На что-то путное ты же должен был это время употребить? Ты ведь даже не работаешь! Книжек не читаешь! Не надо мне с десяти компов десятки в Самиздате ставить! Ты же даже стишок мой осилить не в состоянии! Поэтому я искренне полагала, что ты ухаживаешь за девушками, что у тебя напряженная личная жизнь, что приобретенный опыт я имею полное право частично использовать, поскольку весь семестр покрывала твои прогулы. Нет, я с тобой на дискотеку не пойду. Нет. Это исключено. Васюков! Прекрати! Хорошо, к восьми она будет готова. Ну, смотри у меня!

— Катерина! Пойдешь с Васюковым. Если что-то будет не так, то у него двух зачетов и курсового не будет. Только глазки ему особо не строить, ему еще сессию сдавать. Идиоту. Не ори! Не плачь! Возьми мою! В шкафу! Полина, дневник неси! Что значит, не покажешь? Про родную мать, значит, можно, что попало по радио нести! Не покажет она! Немедленно выучить таблицу умножения на 9! А кто не выучит, того кормить не буду! Что значит, у кота рыбку съешь? Катя, ты пошла? Иди! Васюков уже подъехал на папочкиной шестерке.

Успокоиться. Расслабиться. Звучит бессмертный Бизе. Потому что покойник. Ноги на подоконник. На подбородок горячее полотенце. Ненавижу. Всех. А надо бы любить. Вот Толстой как любил! И они его тоже. Господи, посидеть не дают. Собаки слюнявые, коты-заразы... Хорошо, что попугаев ликвидировала. Соседке отдала. Теперь норовят перелететь обратно.

Все. Спокойствие и отрешенность окутывают душу. Покой. Чувственная красота. Мысли о приятном. О мейсенском фарфоре. Всех мужиков из головы — вон. От них только стрессы. Улыбка номер два. Расслабленные движения. Котлеты на сковородку. Я пользуюсь только Фэри! Он все-таки пахнет ничего так. Относительно.

* * *

Телефон. Надо срочно заплатить за телефон.

— Это Миша.

— Слыши. Что надо?

— Нас сегодня ваша бывшая подруга замдеканша, у которой вы...

— Короче.

— Просила на вас написать. Второй раз. Мы опять отказались.

— А-а... А Петровых что?

— Он тоже не написал, он сказал...

— Вот что сказал Петровых, не надо. Ты что звонишь-то?

— У нас экзамен завтра, напомнить. А то про консультацию вы забыли...

— Спасибо. Ой, я освобожусь завтра только к трем.

— Ладно, мы придем. А вам систему в тачке переустанавливать не нужно?

— А зачем ее переустанавливать? Стоит и пусть себе стоит.

— А вдруг она косо стоит?

— Миша! Маленький ты еще мне системы переустанавливать!

— Обижаете!

— Жалею!

* * *

Все. День закончен. Нет этого дня. И никогда уже не будет. Сейчас работа, работа... снять косметику, принять ванну, проверить дневник младшей... Как глупо прошел день... опять телефон.

— Тебе шаль не нужна?

Пауза. Холод в голос! Льда, льда дайте больше! Это же вам не сухое мартини! Глыбу льда! Это тот, кто всего лишь четыре дня

назад позвонил и сказал, что прийти не сможет, мол, созвонимся! А теперь он ей шаль толкает! Бизнесом занялся! Господи! Неужели это все? Ничего больше не будет? Да? И ей по телефону будут шали предлагать, варежки? Панталоны с начесом? В бассейн! Немедленно! Вниз головою!

— Я спрашиваю, шаль тебе нужна? Твоя...

— Мо-оя?

— Ты у меня шаль свою забыла! — в голосе срыв, истерика.

— Кто нашел? Жена? Тебя били?

— Н-нет. Теща.

— От всего отпирайся, слышишь? Клевета!

— Ага. Лживые инсинуации! Поклеп! Она тобою пахнет...

— Кто-о?

— Шаль. Я тогда просто не смог...

— Понимаю...

День прожит не зря. Еще один узелок на память. Когда Мерилин не станет, все узелки обрастут легендами, и долго будут хранить ее запах.